

**РАЗВИТИЕ ОСНОВНОГО НАУЧНОГО НАПРАВЛЕНИЯ,
СВЯЗАННОГО С ИЗУЧЕНИЕМ ОБЩЕСТВ С ПРОИЗВОДЯЩЕЙ
ЭКОНОМИКОЙ ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ,
В ВОРОНЕЖСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ
(90-е годы XX столетия)***

А. Д. Пряхин

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 17 марта 2014 г.

Аннотация: в статье дается оценка вклада археологов ВГУ в изучение в 90-е гг. XX в. абашевской и срубной культурно-исторических общностей времени средней-поздней бронзы восточноевропейской степи и лесостепи. Основное внимание сосредоточено на осмыслении уникальных результатов Мосоловского поселения металлургов литейщиков эпохи поздней бронзы, изучавшегося экспедицией Воронежского государственного университета, а также на оценке работ совместной археологической экспедиции Института археологии НАН Украины и Воронежского государственного университета, проводившей раскопки Капитановских поселений и рудника Червонэ Озеро I на территории Украины. Делается вывод о том, что проведенные исследования способствовали формированию подхода, согласно которому проблематика, связанная с оценкой пастушеских скотоводов эпохи бронзы Евразийской степи и лесостепи, не может рассматриваться в рамках первобытности, а должна оцениваться с позиций изучения роли этих массивов населения в цивилизационных процессах в древности.

Ключевые слова: эпоха бронзы, пастушеские скотоводы, доно-волжская абашевская культура, абашевская культурно-историческая общность, срубная культурно-историческая общность, Мосоловское поселение металлургов литейщиков, Капитановские поселения, постпервобытность.

Abstract: here's given the appraisal of the contribution of the VSU (Voronezh State University) archaeologists to Study Abashevo and Timber-grave cultural and historical communities at the middle-late Bronze Age of Eastern European steppe and forest-steppe. The main attention is focused on the understanding the unique results of Mosolovskoe foundry workers' settlement at the Late Bronze Age, which was studied by VSU expedition. Much attention is given to the evaluation of works of joint archaeological expedition of the Ukraine Institute of Archaeology and VSU, conducting excavations of Kapitanovskiy settlements and the mine Chervone Lake in the Lugansk and Donetsk regions of Ukraine. It's drawn the conclusion that conducted researches in the 90s helped forming the approach according to which the problems associated with estimating of pastoral cattle-breeders at Bronze Age Eurasian steppe and forest-steppe can not be considered as a part of the primitive state, but must be evaluated from the standpoint of studying the role of these population arrays in civilized processes in ancient times.

Key words: Bronze Age, pastoral cattle-breeders, dono-volzskaya Abashevo culture, Abashevo cultural-historical community, Timber-grave (Srubnaya) cultural-historical community, Mosolovskoe foundry workers' settlement, Kapitanovsky settlements, post primitiveness (primitive state).

На историческом факультете ВГУ на начало 90-х гг. имеется кафедра археологического профиля с лабораторией естественно-научных методов в области археологии, а в структуре университета – Музей археологии.

* А. Д. Пряхиным готовится к печати рукопись книги «Археология в Воронежском госуниверситете в последнее десятилетие XX – первое десятилетие XXI в.», которая является продолжением изданной в 2013 г. книги «Археология в Воронежском госуниверситете (1918 – начало 90-х гг. XX в.)». Настоящая статья открывает публикацию глав новой книги в «Вестнике Воронежского государственного университета. Серия: история, политология, социология».

© Пряхин А. Д., 2014

Получают развитие полевые археологические исследования (археологическая экспедиция ВГУ, ее отряды), нередко ведущиеся совместно с академическими структурами РАН и НАН Украины, вузами Центрального Черноземья и Восточной Украины, музеями.

Имевшееся ранее на кафедре археологии научное направление «Развитие обществ с производящей экономикой на пространствах восточноевропейской степи и лесостепи (энеолит-бронза, ранний железный век, средневековье)» постепенно приобретает статус основного научного направления, от развития которого зависит как общая подготовка кадров историков, так – еще в большей степени – подготовка и переподготовка кадров археологов.

Вырисовываются направленности исследовательского поиска: эпоха меди-бронзы доно-донецкой лесостепи и прилегающих пространств степной зоны, ранний железный век на названной территории, юго-восточные пределы славянского мира – Древней Руси и кочевнический мир (по данным археологии). Для названных направленностей исследовательского поиска характерно стремление опереться как на уже имеющийся объем источниковой базы, так и на вновь полученные в результате работ университетской экспедиции свидетельства. Характерно все возрастающее внимание к разработке историографических аспектов выполняемых исследовательских тем.

В изучении эпохи меди-бронзы внимание все более концентрируется на осмыслении абашевской культурно-исторической общности завершающего этапа средней бронзы (прежде всего, доно-волжской абашевской культуры) и срубной культурно-исторической общности (конкретно: донской лесостепной срубной культуры – так мы ее в то время именовали), как, впрочем, и оценки абашевско-срубной проблематики в целом.

Доно-волжская абашевская культура и общая оценка абашевской общности продолжают оставаться в эпицентре исследовательских интересов университетских ученых (А. Д. Пряхин, В. И. Беседин, Ю. П. Матвеев), в чем легко убедиться, ознакомившись с тезисами докладов состоявшейся в 1996 г. Международной научной конференции «Абашевская культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы степи и лесостепи Евразии», организованной Воронежским и Тамбовским университетами [1].

Свое видение абашевской культурно-исторической общности и конкретно доно-волжской абашевской культуры изложено автором в главе «Лесостепное и степное пространство Евразии и поиски “прародины” индоариев» научно-популярной книги «Археология и археологическое наследие» [2, с. 52–111].

Новый уровень оценки доно-волжской абашевской культуры в немалой степени предопределялся наращиванием источниковой базы по погребальным памятникам этой культуры. С этой целью в 1992–1994 и в 1999 гг. продолжают раскопки одного из наиболее крупных могильников доно-волжской абашевской культуры – Подклетненского, находящегося у северной окраины современного Воронежа. Число вскрытых курганов достигло 44. Подавляющее число захоронений – абашевские.

В 1996 г. публикуется совместная с автором настоящей работы и В. И. Бесединым статья по результатам анализа абашевских захоронений, происходящих из 40 раскопанных до 1994 г. курганов. Захоронения были разбиты на четыре обрядовые группы. Первые две группы в могильнике более ранние [3,

с. 39, 49]. Третья группа погребений доно-волжской абашевской культуры более поздняя [3, с. 39–42, 50]. Позже четвертая группа, где хотя еще сохраняются абашевские черты, но уже четко проявляются и срубные черты. Эта группа, фиксирующая поздний этап абашевских древностей, одновременно открывает и пласт памятников срубной культурно-исторической общности («памятники покровского типа») [3, с. 41–50].

В рассматриваемое десятилетие все большее внимание привлекают результаты исследования курганов доно-волжской абашевской культуры, содержащих военно-аристократические захоронения. Полученными результатами выделяется раскопанный в 1997 г. экспедицией Тамбовского областного краеведческого музея и Воронежского госуниверситета один из двух курганов в бассейне Цны у с. Селезни (руководитель – Н. Б. Моисеев). Результаты его изучения опубликованы в следующем году [4, с. 3–30]. В кургане, помимо одного разрушенного вспашкой впускного захоронения срубного времени, оказались четыре находившиеся под центром насыпи, располагавшиеся попарно захоронения доно-волжской абашевской культуры, а также девять находившиеся отдельно жертвоприношений (черепка и кости конечностей лошади). Костяки в могильных ямах отсутствовали.

Одну пару образовывали могильные ямы 1 и 2, другую – 3 и 4. Погребение 1 совершено в могильной яме, размеры которой 4,2×4,2 м, глубина ее от уровня погребенной почвы – 1,7 м. В площади могильной ямы есть одна столбовая ямка. Зафиксированы следы органической подстилки.

Среди инвентаря есть два ножа-кинжала с намекающимся перекрестием и ромбическим окончанием черешка, один из которых – с перекрытия, другой вместе с костями конечностей животного был помещен на деревянное блюдо (?), находившееся на дне могильной ямы. В разных частях могильной ямы в деревянной основе найдены четыре бронзовых жальца с притупленным краем. Еще одно жальце вставлено в деревянную рукоять, обрамленную костяным навершием (возможно, навершие наконечника стрелка, являвшихся деталями клейдонов, – атрибутов власти).

Найдено четырнадцать кремниевых наконечников стрел, булава грушевидной формы с бортиком, два каменных кузнечных орудия труда, одно из которых применялось для растирания охры, серия астрагалов, двадцать пять из которых лежали кучкой, амулет из клыка медведя и ребра животных, на двух из которых следы использования при копке.

Вблизи от одного из углов могильной ямы лежали два четырехшипных орнаментированных псаля с почти истлевшими щитками. Торцы вставных шипов украшены, в том числе и мальтийским крестом.

Встречены представленные фрагментами еще два псалия со вставными шипами (один из них – костяной, другой скорее всего деревянный).

Тремя экземплярами представлены сосуды, два из которых приземистые колоколовидные горшки и один горшок с четко выделяющимся плечиком.

Погребение 2 совершено в могильной яме, размеры которой 3,05×4,1 м, глубина от уровня погребенной ямы – 1,3 м. Есть следы органической подстилки. Фиксировалось меловое пятно. Встречены два ножа-кинжала с намечающимся перекрестием и ромбическим окончанием черенка, две костяные втулки, имеющие сработанные боковые отверстия, внутри которых находились вставленные в деревянную основу бронзовые жальца (лучковые сверла – ?), обломки двух бронзовых скоб и бронзовая пронизка.

Обнаружены четыре кремневых наконечника стрел, два других кремневых изделия, кузнечный молоточек, клык кабана. Есть два вставных шипа от щиткового псалия, на одном из которых сохранилась орнаментация.

В погребении найдены два колоколовидных горшка, орнаментированный острорезерный сосудик с крышкой и обломки еще от одного сосуда.

Погребение 3 совершено в могильной яме, размер которой 2,8×4,8 м, глубина от уровня погребенной почвы – 1,3 м. Вблизи одного из углов могильной ямы уже за пределами могильной ямы найдены орнаментированный острорезерный сосудик с двумя отверстиями для подвешивания, кузнечный молоточек и орнаментированный псалий, имеющий округлый щиток с четырьмя вставными шипами.

В одну из стен могильной ямы воткнут имеющий боковое ушко литой наконечник копья. На полу найдены бронзовое обоюдоострое шило и жальце с притупленным краем. Обнаружены также и два треугольных в плане кремневых наконечника стрел.

Ближе к центру могильной ямы находились два вставных, разных по характеру изготовления и орнаментации, шипа от псалия и плоская округлая костяная пряжка с центральным и двумя периферийными отверстиями. В южной части могильной ямы встречены два астрагала.

Со дна могильной ямы происходят два сосуда. Один из них колоколовидный горшок, имеющий уплощенное дно, поверхность которого обработана широкими расчесами, другой – невысокий горшок, имеющий уплощенное дно.

Погребение 4 совершено в могильной яме, размеры которой 2,4×5 м. Глубина ее от уровня погребенной почвы в пределах 1 м. В могильной яме зафиксированы следы органической подстилки и охристое пятно.

Многочислен происходящий из могильной ямы инвентарь. Изделия из бронзы включают нож-кинжал

с намечающимся перекрестием и ромбовидным окончанием черенка, на котором сохранились отпечатки футляра, жальце с притупленной рабочей частью и отпечатками берестяного футляра, шило с остатками деревянной рукоятки, три бронзовые скобки, две из которых, возможно, служили для скрепления берестяной коробки (?), и обломок обкладки.

Многочисленна серия кремневых наконечников стрел треугольной формы, одиннадцать из которых лежали компактно. В разных частях могильной ямы найдены кузнечный молоточек и молоточек-абразив по металлу.

В центральной части могильной ямы находились две плоские округлые костяные пряжки с большим центральным и двумя боковыми отверстиями. Есть две костяные застежки, два скопления астрагалов и обломок ребра животного со следами работы.

В могильной яме найдены две пары орнаментированных псалий и фрагменты еще одного псалия. Щитки двух псалий фигурной восьмеркообразной формы с четырьмя вставными шипами. Вторая пара псалий имеет щитки сегментовидной формы со вставными шипами, центральным и торцевым отверстиями, примыкающей неширокой планкой, на которой есть ряд отверстий. Что же касается плохо сохранившегося пятого псалия, то он с монолитными шипами.

Обнаруженные в могильной яме сосуды – колоколовидные. На двух из них есть орнаментация. Днище у одного из сосудов уплощенное.

Выкиды из всех четырех могильных ям оказались на уровне погребенной почвы, что свидетельствует о возведении насыпи над всем комплексом захоронений. Но, поскольку выкид из могильной ямы 2 частично перекрывал выкид из могильной ямы 3, можно предположить и неодновременность пар захоронений. Но хронологический разрыв между ними вряд ли был значительным.

Все четыре захоронения – престижные. Во всех захоронениях есть щитковые псалии, связываемые с упряжью колесниц. Во всех погребениях присутствуют и предметы вооружения. Не случайно и то, что в каждой из пар захоронений оказалось по одному ритуальному острорезерному сосуду. Статус умерших подчеркивается и наличием в каждой из пары захоронений мела и охры. Высокий социальный статус умерших подчеркивается и наличием серии жертвоприношений.

Показательно присутствие во всех могильных ямах кузнечных каменных орудий труда, свидетельствующих о наделении тех, кому предназначались захоронения, сакральными производственными функциями, реализуемыми через идею «кузнеца». Одно из двух кузнечных орудий из погребения 1 использовалось и для растирания охры, а на кузнечном молоточке из погребения 2 обнаружен охристый слой.

Возросшее в 90-е гг. XX в. внимание к осмыслению пласта военно-аристократических захоронений, как, впрочем, и в целом пласта древностей абашевского времени позволило нам с В. И. Бесединым подойти к разработке типологии щитковых псалиев с шипами с учетом региональных особенностей, положив в основу предлагаемой типологии способ крепления нащечного ремня, выделив чаще всего встречающийся в захоронениях доно-волжской абашевской культуры староюрьевский тип псалиев и синташтинский тип псалиев, чаще встречающийся на южноуральских пространствах [5, 6].

Заметное возрастание численности ритуальных остроречерных сосудиков, происходящих в том числе и из военно-аристократических захоронений доно-волжской абашевской культуры, предопределило возможность их анализа в рамках этой культуры и сопоставительного анализа в рамках отдельных абашевских культур [7].

Следует обратить внимание на тот факт, что В. И. Беседин, анализируя «микенский» арнаментальный стиль на изделиях конца средней-поздней бронзы восточноевропейской степи и лесостепи, пришел к заключению, что сосуды с «микенской» орнаментацией образуют две локальные группы: ранняя из них, возникнув под влиянием местных традиций, встречается на щитковых псалиях абашевской культурно-исторической общности, и прежде всего на псалиях доно-волжской абашевской культуры, а более поздняя представлена в памятниках срубной культурно-исторической общности [8, с. 56–57].

Наконец, надо иметь в виду, что в 90-е гг. XX в. проблематика, связанная с оценкой военно-аристократических, как, впрочем, и воинских захоронений абашевского времени, находится в поле зрения одного из ведущих исследователей эпохи средней бронзы доно-донецкой лесостепи Ю. П. Матвеева. Свои взгляды он излагает в многочисленных докладах на разного рода научных конференциях по проблематике эпохи бронзы и в серии статей, базирующихся на результатах работ археологической экспедиции ВГУ [9; 10], оказывая ощутимое влияние на характер и направленность разработки соответствующей проблематики на кафедре.

Особо следует выделить тот факт, что В. И. Беседин неоднократно обращается к оценке памятников «классической» средневожской абашевской культуры, включая оценку такого широко известного памятника этой культуры, как Пепкинский курган [11]. Он приходит к выводу, согласно которому эта культура «представляется археологическим отражением крайне малочисленной группы населения, которая на очень непродолжительный период заняла небольшой район на территории Среднего Поволжья, где находилась в условиях постоянных столкновений с окру-

жающими племенами». Далее он продолжает, что «...в любом случае трудно представить, чтобы эта группа могла в тот же период времени породить такие масштабные образования, как уральская и тем более доно-волжская абашевские культуры» [12, с. 222].

Остается добавить, что сотрудники кафедры археологии Воронежского госуниверситета в 1998–2007 гг. в рамках единого наряда-заказа выполняли тему «Историческое место пастушеских скотоводов II тыс. до н.э. Доно-Донецкого региона в истории восточноевропейской степи и лесостепи (доно-волжская абашевская культура)», что обусловило подготовку и издание в 2001 г. коллективной монографии «Доно-волжская абашевская культура», где помещены и уже опубликованные ранее статьи А. Д. Пряхина и В. И. Беседина, так и вновь написанные статьи А. Д. Пряхина, А. С. Саврасова, Е. Б. Свистовой «Металлообработка доно-волжских абашевцев и развитие традиций производственной деятельности в эпоху бронзы» (глава IV); А. Д. Пряхина и И. Е. Сафонова «Орнаментация керамики доно-волжской абашевской культуры (по материалам погребальных памятников)» (глава VI); А. Д. Пряхина, Е. Ю. Захаровой «Сосуды со знаками доно-волжской абашевской культуры» (глава VII) [13]. Авторы аргументируют подход, согласно которому доно-волжская абашевская культура на рассматриваемой территории постепенно трансформируется в донскую лесостепную срубную культуру.

Показательно, что формирование подхода, согласно которому в дальнейшем судьба доно-волжских абашевцев трансформировалась в срубную культурно-историческую общность, происходило на фоне одновременного осмысления проблемы становления срубной культурно-исторической общности и конкретно древностей донской лесостепной срубной культуры.

Последнее в немалой степени определялось результатами, полученными в ходе осмысления данных по Мосоловскому поселению металлургов-литейщиков, раскопки которого были завершены экспедицией ВГУ к концу уходящего десятилетия.

В конце 80-х – первой половине 90-х гг. анализ результатов изучения этого поселения был в эпицентре исследовательских интересов нескольких сотрудников кафедры.

Возрастание внимания к результатам изучения Мосоловского поселения ощутимо проявилось во время работы в Воронежском университете в 1991 г. научной конференции «Мосоловское поселение эпохи поздней бронзы в системе памятников степи и лесостепи», организованной кафедрой археологии ВГУ и сектором неолита-бронзы Института археологии Академии наук страны. В Музее археологии ВГУ тогда была развернута выставка материалов эпохи

поздней бронзы с этого поселения, с которой имели возможность ознакомиться как российские, так и участвовавшие в работе конференции украинские исследователи, впоследствии составившие костяк совместной украинско-российской археологической экспедиции, работавшей на памятниках срубной культурно-исторической общности в бассейне Северского Донца (Луганская область, Украина).

На пленарном заседании планировалось заслушать опубликованный в материалах конференции доклад академика В. П. Алексеева «Объем археологического знания» [14] и доклад члена-корреспондента Академии наук страны В. И. Молодина о древней металлургии носителей кротовской культуры эпохи бронзы на территории Западной Сибири (тогда были опубликованы тезисы доклада) [15].

Во вступительном слове на конференции ректора ВГУ профессора В. В. Гусева было отмечено, «что именно с Мосоловского поселения начали свой путь в археологическую науку многие сегодняшние преподаватели кафедры археологии и истории древнего мира нашего университета, ученые-археологи, ныне работающие в высших учебных заведениях и научно-исследовательских учреждениях ряда городов страны, как, впрочем, и за рубежом. Весьма важно, что за годы раскопок Мосоловского поселения археологическую практику на этом памятнике прошли почти тысяча студентов исторического факультета, ныне пополнивших ряды учителей, работников культуры и охраны памятников» [16].

Тогда автор завершил написание текста монографического исследования по результатам изучения этого памятника. С рукописью книги ознакомился В. П. Алексеев, выразивший согласие выступить научным редактором книги. В те годы публикация монографии такого объема (в пределах 40 п.л.) была осложнена. Валерий Павлович Алексеев обратился к тогдашнему заместителю министра науки, высшей школы и технической политики А. Н. Тихонову с письмом, где обосновывалась важность публикации свидетельств, полученных в результате многолетних раскопок Мосоловского поселения эпохи бронзы. В письме отмечалось: «Научный материал, полученный в результате этих работ, уникален во всех отношениях. Во-первых, полностью реконструирован процесс производства металлических орудий для эпохи начала использования металлов как основной базы для производства инвентаря. Во-вторых, получены данные, больше, за немногими исключениями, не повторяющиеся в европейской археологии и истории культуры, для реконструкции образа жизни металлургов – их хозяйства, технологии использования территории, торгово-обменных отношений с окружающими землями. В-третьих, наконец, впервые получено доказательство не только социально-обществен-

ной, но и социальной стратификации племен эпохи бронзы, в процессе которой выделялись ремесленники разного направления технологических навыков. Последний вывод особенно важен, потому что мы знали до сих пор раннюю производственную специализацию в древнейших обществах долины Нила, Переднего Востока, Восточной Азии, но мы были мало знакомы с этим процессом на юге Европейской России» [17].

Из Министерства это письмо было перенаправлено в ВГУ. Не имея возможности финансировать издание книги такого объема, автор был вынужден «разделить» рукопись на две книги. Потребовалось время для доработки, точнее, переработки отдельных разделов рукописи. В 1993 и 1995 гг. вышли две книги по результатам изучения Мосоловского поселения металлургов-литейщиков эпохи поздней бронзы [18; 19]. Письмо В. П. Алексеева А. Н. Тихонову, по решению Издательства ВГУ, приводится в качестве предисловия к первой из книг, где в приложении помещена статья В. И. Беседина «Относительная хронология построек Мосоловского поселения (по данным анализа керамики)», а также, основываясь на результатах анализа керамических серий из построек Мосоловского поселения, ученый обосновал выделение трех этапов в функционировании поселка [18, с. 94–103].

В приложении ко второй книге помещены статьи А. С. Саврасова «Экспериментальное изучение технологии металлообрабатывающего производства», представляющая результаты экспериментального изучения технологии металлообрабатывающего производства Мосоловского поселка [19, с. 135–158], и В. И. Беседина «Гончарное производство», предлагающая реконструкцию процесса изготовления глиняной посуды на этом поселении [там же, с. 158–174]. Вторая книга полностью посвящена оценке хозяйственно-производственной жизни Мосоловского поселка и, прежде всего, свидетельств, отражающих ремесленную направленность металлопроизводственной деятельности его обитателей. Открывалась возможность дать целостную оценку свидетельств производственно-хозяйственной жизни поселка, позволяющую уверенно говорить, что основу хозяйственной направленности занятий жителей поселка составляла металлопроизводственная деятельность его обитателей, а также опереться на данные, полученные в результате широкого использования методов естественных наук, что, собственно говоря, и предопределило необходимость образования в структуре кафедры лаборатории естественно-научных методов.

В распоряжении исследователей имелась весьма представительная серия свидетельств металлопроизводственной деятельности, насчитывающая более

2000 обломков глиняных литейных форм и крышек от них (около 700 створок), приблизительно 350 экземпляров плавильных чаш (примерно 120 из них – специально изготовленные для этих целей изделия), более 450 трасологически изученных каменных орудий (по определению В. В. Килейникова, это кайлы, молоты, рудотерки и терочные плиты, песты, наковальни, кувалды, молотки, молоточки, гладильни, абразивы, отбойники), другие свидетельства, отражающие характер металлопроизводственной деятельности в рамках поселка. Под руководством А. С. Саврасова развернулись работы по экспериментальному моделированию металлопроизводственной деятельности в поселке. Во второй половине 90-х гг. он защитил диссертационное исследование [20]. Ставится вопрос о выделении доно-донецкого центра металлургии и металлообработки.

Первостепенное внимание уделяется оценке имеющейся с поселения керамической серии поздней бронзы (помимо автора книги эту работу проводили В. И. Беседин, С. А. Гетманский, Ю. Г. Екимов и значительная группа специализировавшихся по археологии студентов (Е. Ю. Захарова, А. А. Пряхин, И. Е. Сафонов, Е. Б. Свистова и др.).

Происходящая с Мосоловского поселения серия глиняных изделий со знаками (более 60 сосудов) проанализирована в диссертационном исследовании Е. Ю. Захаровой [21], защищенном в конце 90-х гг. и опубликованном вскоре как монография [22]. Привлекла внимание и небольшая серия сосудов с рисунками [19, с. 86; рис. 74].

Внесены коррективы в даваемые ранее оценки строительной деятельности у срубников. Для Мосоловского поселения характерно наличие помещений, значительных по площади, преимущественно однокамерных, имеющих углубленную часть. Характерно наличие столбовой конструкции, двухскатного перекрытия, опирающегося на прилегающие к котловану борта. При такой конструкции площадь помещений оказывалась больше, чем собственно территория котлованов. Были приведены и реконструкции ряда полуземляночных помещений, в выполнении которых помимо автора принимали участие В. И. Беседин и С. А. Гетманский [18, рис. 15, 3; рис. 20, 3; рис. 15, 3; рис. 38, 3; рис. 57, 3; др.].

В результате проведенных исследований история развития Мосоловского поселка поздней бронзы выглядит следующим образом: на раннем его этапе, когда в материальной культуре еще чувствовалось серьезное проявление черт доно-волжской абашевской культуры, число жителей в поселке возрастает от 40–50 человек до 80–100 человек, на развитом этапе – здесь живет не менее 115–140 человек, на позднем этапе число жителей в поселке не превышает 120–150 человек.

Были зафиксированы и изменения в планировке поселка [18, с. 72].

Время поселка, учитывая данные по C_{14} , определяется нами в пределах третьей четверти II тыс. до н.э., с возможным выходом в XII в. до н.э. [там же, с. 91]. Хронологические рамки существования этого поселка ограничивались временем существовавшего здесь ранее поселка воронежской археологической культуры (время возникновения) и возникновением в площади прекратившего свое существование поселка срубной общности бескурганного могильника более позднего времени.

Предпринимается попытка выделения мосоловского хронологического горизонта древностей эпохи поздней бронзы [23].

В целом же середина 90-х гг. – это завершение так называемого камерального этапа в изучении Мосоловского поселка эпохи поздней бронзы, одним из важнейших итогов которого было формирование исследовательского коллектива, которому предстояло выйти на реконструктивный этап его осмысления, предполагавший развертывание исследований по моделированию древних производств, других видов хозяйственной деятельности, воссоздание облика поселка на разных этапах его развития [24, с. 170–174].

Свое видение итогов изучения Мосоловского поселения металлургов-литейщиков срубной культурно-исторической общности постараемся изложить в главе «Металл, металлургия, пастушеские скотоводы» в изданной в 1995 г. научно-популярной книге «Археология и археологическое наследие» [2, с. 112–158].

В наших исследовательских интересах все четче просматривается стремление выявить на ближайших к Мосоловскому поселению территориях источники поступления металла на это поселение. Попытки А. С. Саврасова выявить возможные места такого рода рудоразработок не увенчались успехом.

Наши исследовательские взоры все чаще обращаются к Бахмутской котловине в правобережье Северского Донца (Украина), где благодаря весьма результативным работам, выполнявшимся под руководством директора Артемовского краеведческого музея С. И. Татарина, в течение ряда лет целенаправленно обследовалась целая серия древних рудоразработок срубного времени.

На территории Подонцовья разворачивает полевые исследования Центрально-Донецкая археологическая экспедиция Института археологии НАН Украины (руководители – С. Н. Санжаров и Ю. М. Бровендер). Весьма результативными оказались раскопки этой экспедицией в 1994 г. под руководством Ю. М. Бровендера находящегося недалеко от древних рудоразработок Бахмутской котловины I Капита-

новского поселения, когда были получены многочисленные свидетельства, позволившие нам сделать вывод о близости материалов этого поселения с материалами, полученными в результате раскопок Мосоловского поселения в Подонье.

Директор Института археологии НАН Украины, академик П. П. Толочко, и ректор Воронежского госуниверситета, профессор В. В. Гусев, подписали протокол о намерениях, предусматривавший проведение совместных полевых археологических исследований памятников эпохи бронзы вблизи с. Капитаново (Новоайдаровский район, Луганская область, Украина) и древнего рудника Червонэ Озеро в пределах Картамышского рудопроявления (Попаснянский район, Луганская область, Украина), проведение совместных полевых семинаров и научных конференций, подготовку и издание совместных научных публикаций, содействие в подготовке и переподготовке кадров.

С 1995 г. начинает работать совместная украинско-российская археологическая экспедиция Института археологии НАН Украины и Воронежского университета, которую возглавили с украинской стороны заведующий отделом энеолита и бронзы Института археологии НАН Украины В. В. Отрощенко и Ю. М. Бровендер, а с российской – автор статьи и В. И. Беседин. В раскопках ежегодно участвует группа студентов-практикантов исторического факультета Воронежского университета.

Наиболее масштабные раскопки ведутся на многослойном поселении Капитаново–I, меньшие по масштабам – на многослойном поселении Капитаново–II и разведочного характера исследования в районе рудника Червонэ Озеро–I в пределах Бахмутской котловины. В 1996–1997 гг. появляются первые публикации по результатам работ совместной экспедиции [25–28].

На многослойном поселении Капитаново I вскрыто 2180 м². Основные культурные наслоения на поселении связаны с населением срубной культурно-исторической общности. Ю. М. Бровендер, опубликовавший результаты раскопок этого памятника, выделил четыре периода в развитии срубного поселка, третий из которых, по Бровендеру, соответствует концу раннего – началу среднего периода Мосоловского поселения, а четвертый – среднему периоду Мосоловского поселения [29, с. 182, 183].

Результаты исследования другого, также многослойного поселения Капитаново–II, где было вскрыто около 500 м², публикуются отдельной книгой, авторами которой являются российские и украинские исследователи [30]. В отличие от поселения Капитаново–I здесь представлена выразительная керамическая серия доновожской абашевской культуры [30, с. 8, 10, рис. 5; с. 23, рис. 12–16].

Авторы книги уделяют значительное внимание сопоставительному анализу материалов этого и Мосоловского поселения. Отмечается наличие как общих черт в материалах поселений, так и отличий в керамических сериях двух поселений. Сопоставительный анализ материалов Капитановских поселений и Мосоловского поселка позволил отнести их к единой археологической культуре, которую мы тогда называли донской лесостепной срубной культурой, а украинские исследователи – покровской срубной культурой.

Важно также иметь в виду, что в процессе проведения раскопок Капитановских поселений было проведено пять ежегодных украинско-российских полевых археологических семинаров [31–35], одним из организаторов которых стала кафедра археологии Воронежского госуниверситета. Проведение семинаров способствовало совершенствованию методики исследования бытовых памятников эпохи бронзы, сближению складывавшихся в украинской и российской археологии подходов к оценке эпохи бронзы доно-донецкой лесостепи, включая оценку срубной культурно-исторической общности. В эпицентре исследовательских интересов находилась и проблема становления донской лесостепной и бережновско-маевской (терминология В. В. Отрощенко) срубной культур, включая оценку роли в этом процессе доно-волжских абашевцев и населения бабинской культуры.

Сближению позиций российских и украинских исследователей в подходах к оценке эпохи бронзы доно-донецких пространств способствовало участие воронежских исследователей в работе целой серии проводившихся в России и Украине научных конференций. Выделим проведенные в 1996 г. на базе Воронежского университета российско-украинскую научную конференцию «Доно-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы восточноевропейской степи и лесостепи» [36] и в 2000 г. Международную конференцию «Срубная культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы Евразийской степи и лесостепи» [37]. В работе последней из них приняли участие директор Института археологии РАН, ведущий исследователь энеолита-бронзы Кавказа Р. М. Мунчаев (доклад «Актуальные проблемы изучения бронзового века Северного Кавказа» [37, с. 31–33]), ведущий исследователь древней металлургии на пространствах Старого света, заведующий лабораторией естественно-научных методов в археологии Института археологии РАН, член-корреспондент РАН Е. Н. Черных (доклад «Феномен и парадоксы Каргалинского комплекса» [37, с. 15–24]), ведущий украинский исследователь эпохи бронзы степи-лесостепи Восточной Европы профессор В. В. Отрощенко (доклад «О культурах срубной общности» [37, с. 10–14]), проректор Башкирского пе-

дагогического института профессор В. С. Горбунов (доклад «Волго-Уральский регион распространения памятников срубной культурно-исторической общности (источниковедческая оценка)» [37, с. 58–66] и доклад А. Д. Пряхина, В. В. Отрощенко, А. С. Саврасова, Ю. М. Бровендера «Основные итоги работы украинско-российской археологической экспедиции по изучению Картамышского рудопоявления в Донбассе» [37, с. 99–104]. Тогда на конференции с докладами выступили представители естественных наук – специалисты в области археологического почвоведения: доктор биологических наук В. А. Демкин (Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН), доктор биологических наук, профессор Воронежского госуниверситета Б. П. Ахтырцев, доктор биологических наук А. Б. Ахтырцев (Воронежский сельскохозяйственный университет). Был заслушан и наш совместный с академиком В. И. Молодиным доклад «Срубная культурно-историческая общность в системе древностей Евразийской степи и лесостепи» [37, с. 7–10]).

В подготовке конференции активное участие принимал В. И. Беседин, который собирался выступить с докладом по теме будущей докторской диссертации. Но в апреле 2000 г. его не стало. И так получилось, что данная конференция оказалась посвященной светлой памяти В. И. Беседина.

Возросшее внимание к разработке проблематики, связанной с оценкой абашевской и срубной культурно-исторических общностей, доно-волжской абашевской и донской лесостепной срубной культур проявилось и в возрастании интереса к разработке соответствующих тем историографического характера:

Беседин В. И. Историографический комментарий к покровской проблеме / В. И. Беседин // Доно-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы восточноевропейской степи-лесостепи : тезисы докладов и материалы российско-украинской науч. конф. и второго украинско-российского полевого археологического семинара. – Воронеж : ВГУ, 1996. – Вып. 2. – С. 43–46; *Захарова Е. Ю.* Изучение срубной культурно-исторической общности и феномен сосудов со знаками (историография вопроса) / Е. Ю. Захарова // Эпоха бронзы Доно-Донецкого региона : материалы 4-го украинско-российского полевого археологического семинара. – Киев ; Воронеж : ВГУ, 1998. – С. 35–40; *Пряхин А. Д.* Доно-волжская абашевская культура. Историографический очерк / А. Д. Пряхин // Исторические записки. Научные труды исторического факультета ВГУ. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 1997. – Вып. 2. – С. 149–165; *Сафонов И. Е.* Керамика донской лесостепной срубной культуры (к истории изучения) / И. Е. Сафонов // Доно-Донецкий регион в эпоху средней и поздней бронзы. АВЛ. Воронеж : ВГУ, 1998. – Вып. 11. –

С. 112–128; *Сафонов И. Е.* В. А. Городцов и изучение эпохи бронзы Евразийской степи и лесостепи (30-е – первая половина 40-х гг.) / И. Е. Сафонов // Срубная культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы Евразийской степи и лесостепи : материалы междунар. науч. конф. – Воронеж : ВГУ, 2000. – С. 149–156; *Свистова Е. Б.* Проблема выделения Доно-Донецкого центра металлургии и металлообработки эпохи бронзы (к историографии вопроса) / Е. Б. Свистова // Пятьдесят полевых сезонов археологов Воронежского университета. АВЛ. – Воронеж : ВГУ, 1997. – Вып. 10. – С. 74–80; и др.

В то же время следует признать, что, несмотря на продолжавшееся в 90-е гг. в результате полевых археологических исследований интенсивное наполнение источниковой базы по среднедонской катакомбной и воронежской археологическим культурам средней бронзы (раскопки Семилукского, Животинного, других многослойных городищ, Таганского грунтового могильника, других памятников), осмысление названных археологических культур не находилось в эпицентре исследовательских интересов университетских ученых.

И не случайно, что прежде всего именно осмысление абашевских и срубных древностей способствовало осознанию того качественно нового состояния, которое складывалось в российской археологии к концу 90-х гг. применительно к оценке эпохи бронзы Евразийской лесостепи. Вместе с В. И. Молодиным с соответствующим докладом мы выступили на состоявшемся в 1998 г. Международном семинаре «Сибирь в панораме тысячелетий» [38]. Собственно, тогда же доклад был опубликован полностью [39]. Отмечалось, что несомненным успехом явилось не только пополнение репрезентативных источников, полученных благодаря применению более современной методики, их осмысление и интерпретация на уровне историко-культурных реконструкций (включая анализ данных по таким памятникам, как Мосоловское поселение, Подклетненский могильник, памятники Капитановского микрорайона), но и осмысление гигантских культурно-исторических образований и конкретных археологических культур, их образующих [39, с. 3–4].

Была обозначена и потребность формулирования подхода, суть которого сводится к тому, что проблематика, связанная с изучением истории пастушеских скотоводов эпохи бронзы Евразийской степи и лесостепи, не может рассматриваться в рамках собственно первобытности. В данном случае уместнее вести речь о своего рода «постпервобытности», включая оценку роли этих массивов населения в цивилизационных процессах в древности [39, с. 5]. Эти подходы были положены в основу выступления автора настоящей статьи в 1999 г. на Международной научной

конференции в Челябинске ; Аркаиме «Комплексные общества Центральной Евразии в III–I вв. до н.э.» [40, с. 103].

Продолжение следует...

ЛИТЕРАТУРА

1. Абашевская культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы степи и лесостепи Евразии : тезисы докл. Междунар. науч. конф. – Тамбов : ТГУ, 1996. – 64 с.
2. Пряхин А. Д. Археология и археологическое наследие / А. Д. Пряхин. – Воронеж : Квадрат, 1995. – 208 с.
3. Пряхин А. Д. К оценке абашевских погребений Подклетненского могильника / А. Д. Пряхин, В. И. Беседин // Археологические памятники Среднего Поочья. – Рязань, 1996. – Вып. 5. – С. 34–51.
4. Пряхин А. Д. Селезни 2. Курган доно-волжской абашевской культуры / А. Д. Пряхин, Н. Б. Моисеев, В. И. Беседин // АПДБ. Воронеж : ВГУ, 1998. – Вып. 3. – 44 с.
5. Пряхин А. Д. Конская узда периода средней бронзы в восточноевропейской лесостепи и степи / А. Д. Пряхин, В. И. Беседин // РА. – 1998. – № 3. – С. 22–35.
6. Priakhin A. D. and Besedin V. I. The Hors Bridle of the Middle Bronze Age in the East European Forest-Steppe and the Steppe // Chasing Horse Cultures in Eurasia. Anthropology, Archaeology of Eurasia. – Vol. 38. – No. 1 Summer 1999. – P. 35–59.
7. Пряхин А. Д. Острорезберные абашевские сосуды Доно-Волжского региона / А. Д. Пряхин, В. И. Беседин // Доно-Донецкий регион в эпоху средней и поздней бронзы. АВЛ. – Вып. 11. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 1998. – с. 60 – 71.
8. Беседин В. И. «Микенский» орнаментальный стиль эпохи бронзы в Восточной Европе / В. И. Беседин // Евразийская лесостепь в эпоху металла. АВЛ. 1999. – Вып. 13. – С. 45–59.
9. Матвеев Ю. П. Катакомбно-абашевское взаимодействие и формирование срубной общности / Ю. П. Матвеев // Доно-Донецкий регион в эпоху средней и поздней бронзы. АВЛ. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 1998. – Вып. 11. – С. 8–21.
10. Матвеев Ю. П. Срубно-абашевские погребения переходного типа Волго-Донского междуречья / Ю. П. Матвеев // Евразийская лесостепь в эпоху металла. АВЛ. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 1999. – Вып. 13. – С. 60–80.
11. Беседин В. И. О хронологии Пепкинского кургана / В. И. Беседин // РА. – 1995. – № 3. – С. 197–200.
12. Беседин В. И. К оценке средневолжской абашевской культуры / В. И. Беседин // Исторические записки. Труды исторического факультета ВГУ. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 2000. – Вып. 5. – С. 215–223.
13. Пряхин А. Д. Доно-волжская абашевская культура / А. Д. Пряхин [и др.]. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 2001. – 172 с.
14. Алексеев В. П. Объем археологического знания / В. П. Алексеев // Мосоловское поселение поздней бронзы в системе памятников степи и лесостепи : тезисы докл. и материалы конф. – Воронеж : ВГУ, 1991. – С. 4–19.
15. Молодин В. И. Металлургия кротовской культуры. Западная Сибирь. Середина II тыс. до н.э. / В. И. Молодин // Мосоловское поселение поздней бронзы в системе памятников степи и лесостепи : тезисы докл. и материалы конф. – Воронеж : ВГУ, 1991. – С. 29–31.
16. Гусев В. В. Вступительное слово / В. В. Гусев // Мосоловское поселение эпохи поздней бронзы в системе памятников степи и лесостепи : тезисы докл. и материалы конф. – Воронеж : ВГУ, 1991. – С. 5.
17. [Письмо В. П. Алексеева А. Н. Тихонову] // Пряхин А. Д. Мосоловское поселение эпохи поздней бронзы. Книга 1. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 1993. – С. 4.
18. Пряхин А. Д. Мосоловское поселение эпохи поздней бронзы. Книга 1 / А. Д. Пряхин. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 1993. – С. 5–106.
19. Пряхин А. Д. Мосоловское поселение эпохи поздней бронзы. Книга 2 / А. Д. Пряхин. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 1996. – С. 5–176.
20. Саврасов А. С. Металлообработка населения донской лесостепной срубной культуры : автореф. дис. ... канд. ист. наук / А. С. Саврасов. – Воронеж : ВГУ, 1998. – 23 с.
21. Захарова Е. Ю. Сосуды со знаками срубной культурно-исторической общности : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Е. Ю. Захарова. – Воронеж, 1988. – 23 с.
22. Захарова Е. Ю. Сосуды со знаками срубной общности эпохи поздней бронзы / Е. Ю. Захарова. – Воронеж : ВГУ, 2000. – 163 с.
23. Пряхин А. Д. До виділення мосолівського горизонту доби пізньої бронзи євразійського степу та лісостепу / А. Д. Пряхин // Археологія. – Київ, 1997. № 3. – С. 49–55.
24. Пряхин А. Д. Мосоловское поселение : итоги и перспективы изучения (опыт комплексного археологического исследования) / А. Д. Пряхин, В. И. Беседин, А. С. Саврасов // Исторические записки. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 1996. – Вып. 1. – С. 166–174.
25. Отрощенко В. В. Украинско-российская экспедиция по изучению Капитановского археологического микрорайона памятников эпохи бронзы : (итоги работ 1995–1996 гг.) / В. В. Отрощенко [и др.] // Доно-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы восточноевропейской степи-лесостепи. – Воронеж : ВГУ, 1996. – Вып. 2. – С. 4–10.
26. Пряхин А. Д. Исследования рудника на рудопроявлении Картамыш / А. Д. Пряхин [и др.] // Доно-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы восточноевропейской степи и лесостепи. – Воронеж : ВГУ, 1996. – Вып. 2. – С. 10–13.
27. Отрощенко В. В. Украинско-российская экспедиция по изучению памятников эпохи бронзы Донецкого бассейна / В. В. Отрощенко [и др.] // Пятьдесят по-

левых сезонов археологов Воронежского университета. АВЛ. – Воронеж : ВГУ, 1997. – Вып. 10. – С. 90–102.

28. *Килейников В. В.* Костяные орудия с рудника Червонэ Озеро Картамышского рудопроявления / В. В. Килейников // Пятьдесят полевых сезонов археологов Воронежского университета. АВЛ. – Воронеж : ВГУ, 1997. – Вып. 10. – С. 103–105.

29. *Бровендер Ю. М.* Капитаново–I. Поселение покровской срубной культуры в Северско-донецком левобережье / Ю. М. Бровендер // Старожитності степового Причорномор'я і Криму. Запоріжжя : ЗДУ, 2000. – Т. VIII. – С. 173–189.

30. *Пряхин А. Д.* Поселение эпохи бронзы Капитаново–II : материалы работ украинско-российской археологической экспедиции / А. Д. Пряхин [и др.] // АПДБ. – Воронеж : ВГУ, 2000. – Вып. 4. – 48 с.

31. Эпоха бронзы Доно-Донецкого региона : материалы [I] украинско-российского полевого археологического семинара. – Луганск, 1995. – 40 с.

32. Доно-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы восточноевропейской степи и лесостепи. – Воронеж : ВГУ, 1996. – Вып. 2. – С. 25–81.

33. Эпоха бронзы Доно-Донецкого региона : материалы 3-го украинско-российского полевого археологического семинара. – Киев ; Воронеж ; Перевальск, 1997. – 60 с.

34. Эпоха бронзы Доно-Донецкого региона : материалы 4-го украинско-российского полевого археологического семинара. – Киев ; Воронеж, 1998. – 82 с.

35. Эпоха бронзы Доно-Донецкого региона : материалы 5-го украинско-российского полевого археологического семинара. – Киев ; Воронеж, 2001. – 126 с.

36. Доно-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы восточноевропейской степи и лесостепи. – Воронеж : ВГУ, 1996. – Вып. 1. – 91 с. ; Вып. 2. – С. 4–24.

37. Срубная культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы Евразийской степи и лесостепи : материалы Междунар. науч. конф. – Воронеж : ВГУ, 2000. – 204 с.

38. *Молодин В. И.* Некоторые проблемы средней-поздней бронзы Евразийской лесостепи / В. И. Молодин, А. Д. Пряхин // Сибирь в панораме тысячелетий : материалы Междунар. симпозиума. – Новосибирск : ИАЭ СО РАН, 1998. – Т. 1. – С. 419–420.

39. *Молодин В. И.* Евразийская лесостепь в эпоху средней-поздней бронзы (некоторые проблемы) / В. И. Молодин, А. Д. Пряхин // Доно-Донецкий регион в эпоху средней и поздней бронзы. АВЛ. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 1998. – Вып. 11. – С. 3–7.

40. *Пряхин А. Д.* Новый этап в исследовании проблематики эпохи бронзы Евразийской степи и лесостепи / А. Д. Пряхин // Комплексные общества Центральной Евразии в III–I тыс. до н.э. Региональные особенности в свете универсальных моделей : материалы Междунар. конф. – Аркаим ; Челябинск : ЧГУ, 1999. – С. 102–104.

Воронежский государственный университет

Пряхин А. Д., доктор исторических наук, профессор кафедры археологии и истории древнего мира, директор научного центра Воронежского госуниверситета по истории отечественной археологии

E-mail: 551482@list.ru

Тел.: 8 (473)239-29-35

Voronezh State University

Pryakhin A. D., Doctor of Historical Sciences, Professor of the Archeology and Ancient History Department, Director of the Research Center on Eurasia Archeology Historiography of the Voronezh State University

E-mail: 551482@list.ru

Tel.: 8 (473)239-29-35